

Саша Черный. Безгласное королевство

Из сборника "Солдатские сказки"

В прикарпатском царстве, в лесном государстве, – хочь с Ивана Великого в подзорную трубу смотри, от нас не увидишь, – соскучился какой-то молодой король. Крикнул свиту, на охоту. Отмахали верст с пяток... Время жаркое, – орешник на полянке, на что куст крепкий, и тот от зноя сомлел, ветви приклонил, лист будто каменный, никакого шевеления.

Привязала свита коней к орешнику, король широкой походкой вперед идет, камыш раздвигает, ручья ищет. Ан был, да весь высох... Всмотрелся король в чашобу, видит, незнакомая малая хатка под дубом стоит, дым не дымит, пес не скулит, будто и нет никого. Махнул он перчаткой, свита да стража за им пошла. Видят – дверь в сенях пасть раззявила, хочь свисти, хочь стучи, никто, девкин сын, не откликается.

Ну что ж, не в рюхи с хозяином играть: главное-то и без него в сенцах нашлось. Выкатили бочоночек на свет, втулку выбили, – стоялый квас шибанул в глаз, все так и повеселели. Выпили они по липовому ковшику, от короля до королевского денщика, в затылок по чинам ставши. Хоть болотной бражкой и припахивает, однако ж около хвоста меду не ищут. В лесной глуши и на том спасибо!..

Тут-то вот, милые мои, король дуба и дал: ему бы по званию своему империал-другой неведомому хозяину на лавке оставить надо, – запас, вишь, весь вылакали. Однако ж он, по веселости лет, запомятовал, дежурный генерал не доложил, адъютант икнул, не подсказал, денщик не насмелился. Так и укатили.

Только трава улеглась, тихий шорох по-за кустами растаял, копыта вдали по корням вперебой захлопали, – вылезает это из-за вереска дремучая борода, кудлатая голова, колючие глаза, – лесной колдунок, который, значит, в хатке этой обосновался.

Приполз он к сеням, – ножки-то у него были с молодых лет сдрюченные, – в материнской утробе не так повернулся, осечка и вышла... Принагнул кадушку, ан в ней одна нахальная муха пищит, которая за остатной каплей забралась. Благословил он незваных гостей начерно: квас-то был ядреный, в подполье мореный, на семи травах настоенный... Весь лес, почитай, задом объелозил, пока до настоящего букета добрался. Вот тебе и запася!.. Пошарил он по лавке, по подлабочью, – хочь бы алтын ему король за выпитое бросил. Чин королевский, а поступки цыганские...

Почервонел колдун, черной слюной харкнул. Ладно, – думает, – квасок-то хорош, да как-то он еще отрыгнется...

Ступил он на порог, кротовью костку из-под половицы добыл, sprыснул ее из баночки папоротниковой настойкой, на жабьих глазах настоенной, повернулся к востоку, где королевский город за лесом лежал, и стал над косточкой причитать:

– Кто мой квас пил, рыло омочил, всем им со сродственниками, соседями-подсоседями, со слугами-стражей, со всем приплодом, всему их роду на все королевство уста запечатываю... Бабам не галдеть, колесу не скрипеть, кишкам не бурчать, наяву не чихнуть... Ты взойди, тишина, как над озером луна! Одним птицам-сестрицам, косматым зверям, да насекомой твари уста отмыкаю. Слово мое крепко, дело мое цепко, – ни черту расколдовать, ни ангелу расковать. Тьфу, тьфу, ехал шиш в Уфу, голова в кустах, хвост на плечах, печать на устах!..

Отпономарил он все, как следовало, косым каблуком прихлопнул, заржал да и уполз в вереск семь трав для нового кваса собирать. Нельзя же ему, сволочи, без квасу-то.